

Кристиан Гэйлли

Падение

1.

Ноги ей достались необычные.

Если бы ноги у неё были обычные, она не ездила бы туда, куда ей из-за них приходилось ездить.

У кого-то ноги крепкие, как для морской качки, у неё же совсем невесомые, и хотя они абсолютно нормальные – по стандарту слеplены из подошвы, пяти пальцев, пятки и лодыжки, - но как раз она и особенная, лодыжки были удлинённые и тонкие, не сверхдлинные, даже совсем не длинные, они такими казались из-за их утончённости, тонки они были, и впрямь, необыкновенно.

Поэтому она не могла покупать обувь где попало и абы у кого, она должна была ездить в Париже к одному обувщику по адресу..., эх, вылетело из головы, и имя тоже, эта улица недалеко от площади с колонной, он всё ещё там, всё тот же, именно на выходе из этого магазина и произошёл инцидент.

Что за инцидент? Да ничего по-настоящему значимого, ничего особо серьёзного, случай из самых заурядных, нечто совершенно типичное, но порой типичное, заурядное, приводит к.... К чему же? Сейчас узнаем.

Погода стояла прекрасная. Небо было голубое настолько, что диву даёшься - сплошная голубизна, никто на него не смотрел, но небо было голубым, а никто на него не смотрел потому, что никто и мог смотреть по простой причине – было так ослепительно и жгуче для глаз, что такое небо можно было назвать голубым солнцем. Словом, погода была чересчур хороша. Речь идёт, не в последнюю очередь, и о ней. Это невыносимо, когда настолько хорошо.

Вот уже третий день жуткая жара. На завтра обещали грозу. В Париже оно так, хорошие деньки никогда не длятся долго, да ну? правда? а они бывают? а как же, но в нашем распоряжении чаще всего грозы, роман между воздушными массами, очень горячие встречаются с очень холодными.

Про воздушные массы она знала, но в тот день ей было не до них. В тот послеобеденный час она не отличалась от других женщин, если так можно сказать, поскольку для меня она никогда не была и, конечно, никогда не будет женщиной, похожей на других.

Итак, она в Париже, чтобы купить обувь. В магазине - истинное пёкло, будто в печи или в парилке – как пожелаем, одни говорят печь, другие - парилка, на выбор – парилка для горячего пара, печь для сухого жара.

Для начала нужно было присесть и подождать пока освободится продавщица. Ей нравилась одна малышка, брюнеточка с короткой стрижкой и лицом мальчика, отметим её большие красивые карие глаза с зелёными бликами, чувственный кроваво-коричневый, почти фиолетовый рот, она надеялась, что

её обслужит именно эта, которая уже тем, что брала её ступню, вызывала волну приятных ощущений.

Затем выбор, примерка - нудное дело - целая морока с цветами, моделями, размерами, которые между собой не ладят, и так всегда, если нужно чтобы они поладили, чтобы все эти параметры совпали, то ведь нужна такая малость, что ни говори – однако, даже это небольшое всё ещё слишком: отказываешься, уступаешь, идёшь с собой на компромисс, и всё такое.

Наконец, она выбрала и остановилась на модели очень близкой к тому, что искала, цвет подходящий и, самое главное, туфли сели как влитые.

Обувь уложили валетом в коробку, каблук к носку, как в колыбель или парную усыпальницу - вечную мечту неразлучных влюблённых, готово, папиросная бумага, крышка, и вот коробка в зелёной сумке, закрываемой с двух сторон, несколько попыток втиснуть глубже под ручку, но неудачно, только закроешь оставшуюся левую сторону, снова открылась правая, вот незадача!

- Оставьте так, - сказала она продавщице. Затем расплатилась, попрощалась и вышла. Как раз на выходе из магазина и произошёл инцидент.

На тротуаре было полно народу, толпа текла замедленно, апатично, измождённо. Солнце нестерпимо палило до боли в глазах. Трудно представить, если вообще возможно такое вообразить, что вся улица может состоять из отражающих предметов, хотя, скорее всего, это только мерещится. Обычно всё выглядит тускло, но как только солнце припечёт, серость растворяется, марево плывёт, под ним всё пробуждается, отсвечивает, пылает, плавится, о чём это я? обжигает взгляды мужчин, женщин.

Не устану твердить, что это была необычайная женщина, красоты такой особенной, элегантности такой редкой; держа в левой руке коробку с обувью, она стала открывать сумку, где должны были быть очки от солнца.